

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

**ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ УСТИНОВОЙ И ПАВЛА АСТАХОВА
В СЕРИИ «ДЕЛА СУДЕБНЫЕ»:**

БОЖИЙ ДАР

КРЕДИТ ДОВЕРЧИВОСТИ

КРАСОТКА

ДНК ГЕНИЯ

ЖИЛЬЕ ПО ОБМАНУ

ПО ЗОЖУ СЕРДЦА

ШОК-ШКОЛА

ЧУДО-ПИЛЮЛИ

МИНИ-МОДЕЛЬ

ОПЛАЧЕННЫЙ ДИАГНОЗ

ДОЧКИ-МАТЕРИ

ПЛЕННИЦА

КВАРТИРА В РАЮ

КОРОЛЕВА БЛОГОСФЕРЫ

РАЙСКИЙ ПЛОД

Татьяна УСТИНОВА

Павел АСТАХОВ

РАЙСКИЙ ПЛОД

**Москва
2024**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Н. Каштыкина*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Райский плод : роман / Татьяна Устинова, Павел Астахов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-204834-0

Поздняя беременность — это не только долгожданное счастье, но и огромный риск. А вокруг так много мошенников, которые наживаются на отчаявшихся женщинах, да и рынок подпольного суррогатного материнства процветает...

С каждым днем все ближе и ближе срок, когда малыш должен появиться на свет, а судья Елена Кузнецова лишь недавно рассказала близким о беременности. Давно пора встать на учет в женскую консультацию, а также выбрать роддом. Но невозможность разделить с любимым человеком ответственность приводит к растерянности и панике... Лена знает, что сестра Натка с Таганцевым всегда придут на помощь, но у них своя жизнь. А уже взрослая дочь Сашка не только неосознанно ревнует, но и переживает непростой период в личных отношениях...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204834-0

© Астахов П., Устинова Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

На учет в женскую консультацию я встала по месту жительства.

Сашка, конечно, вопила как резаная, что это неправильно и вообще опасно — пользоваться бесплатной медициной. Вообще с того самого момента, как моя взрослая дочь узнала о моей беременности, она только и делала, что вопила. И, как можно догадаться, не от радости.

Я Александру, конечно, понимала. Девятнадцать лет дочь была единственным ребенком в семье, и тот факт, что она давно выросла, живет отдельно и фактически имеет собственную семью, ничего в этом раскладе не менял. Сашка отчаянно ревновала меня к будущему малышу и не могла в этом признаться. И скрыть это не могла тоже.

— Ты хочешь оставить ребенка? — это был первый вопрос, который я услышала от своей дочери, когда, собрав всю родню на кухне, сделала шокирующее заявление.

Моя сестра Натка и ее муж Костя ошарашенно молчали, не в силах переварить услышанное. Друг Саши Фома Горохов, разумеется, молчал тоже.

Мой неофициальный зять понимал, что его мнение учитываться не будет. Дети — десятилетний Сенька и трехлетняя Настя — в расчет вообще не принимались и увлеченно занимались своими делами в комнате.

— У меня уже нет другого выхода, кроме как его оставить, — призналась я. — У меня срок большой. Двадцать одна неделя.

— Сколько? — ужаснулась Натка. — И ты так долго молчала? Лена, у тебя что, совсем мозгов нет?

— Мне нужно было время на то, чтобы принять решение, — сказала я.

Не говорить же моим дорогим родственникам, что именно такой реакции на мое сообщение я и ждала, оттого и тянула с признанием.

— Получается, приняла. — Натка тяжело вздохнула.

— Да, приняла. И его последствия буду расхлебывать самостоятельно, впрочем, как и всегда. Я оставила ребенка, потому что хочу его родить. Аборт, к счастью, делать поздно, так что от ваших уговоров по этому поводу я избавлена. Негодование можете высказать, конечно. Вот только оно ничего не меняет.

— Нет, ты точно ненормальная! — Натка пришла в себя и кинулась в атаку.

Характер у моей младшей сестры боевой, так что легко она не сдастся.

— Лена, а с чего ты вообще взяла, что, к примеру, я стала бы уговаривать тебя на аборт? — продолжила она.

Я озадаченно посмотрела на Натку.

— А разве нет?

На глазах у сестры появились слезы.

— Лена, когда мы с Костей приняли решение удочерить Настю, ты всячески меня поддержала и очень сильно мне помогла. Да, ты высказывала сомнения в моей готовности к такому ответственному шагу, но когда убедилась, что это не минутная блажь, то больше ни слова не сказала. Так почему же ты думаешь, что я могу быть против того, чтобы ты родила ребенка? Кстати, от кого он? От Миронова?

Я не верила собственным ушам.

— От Миронова, — согласилась я. — Погоди, Наташа, так ты что, не против?

— А почему я должна быть против? — язвительно спросила сестра. — Если ты приняла такое решение, значит, убеждена в его правильности. А мне остается только тебе помочь, как ты всегда помогала мне. И с Сенькой, и с Настей. Я что, зверь какой-то? Или чужой тебе человек? Ты вообще как посмела во мне сомневаться!

— Да я не сомневалась, — пробормотала я. Наткины слезы и возмущение стали для меня новостью. — И что, нравочений не будет?

— Будут! — припечатала сестра. Слезы ее уже высохли, глаза горели. — Ты хоть понимаешь, что в твои годы так затягивать с постановкой на учет — это преступление против собственного здоровья? Лена, нельзя же быть такой безответственной. О себе не беспокоись, так хотя бы о малыше подумай. Тебе сорок лет. В такие годы во время беременности может случиться что угодно, включая хромосомную аномалию плода. И такие нарушения необходимо выявлять как можно раньше.

Да уж, умеет моя сестра поддержать. Ничего не скажешь.

— Я завтра же пойду в женскую консультацию и встану на учет, — сказала я жалобно. — Я не могла это сделать до того, как признаюсь во всем вам и Плевакину.

— А Плевакин-то тут при чем? — вылупила глаза Натка. — Это так звучит, словно он отец ребенка.

Я представила степенного Анатолия Эммануиловича и впервые за вечер рассмеялась.

— Нет, я бы не могла так поступить с Тamarой Тимофеевной. Я никогда не видела от нее ничего, кроме добра. И с Плевакиным меня всегда связывали только рабочие отношения.

Натка с подозрением посмотрела на меня.

— У тебя из-за беременности стало совсем плохо с чувством юмора, — вынесла свой вердикт она. — Разумеется, в романе с начальством я тебя не по-

дозреваю. Только вот почему он должен был узнать о твоём интересном положении раньше, чем мы — члены твоей семьи, я все равно не понимаю.

Лицо сестры пылало праведным гневом. Я понимала, что и она, и Сашка вправе сердиться на меня за скрытность.

— Наташа, мне в декрет через два месяца, — примирительно сказала я. — Разумеется, я должна была предупредить руководство о том, что вскоре оно не сможет на меня рассчитывать. Теперь, когда все знают, и дома, и на работе, я могу встать на учет и пройти необходимые обследования. Впрочем, их результат я и так знаю. Я же, по настоянию Виталия, сделала полный медицинский чекап весной. Я совершенно здорова.

— Мам, а Виталий Александрович знает? — нарушила молчание Сашка.

Я вздрогнула.

— А и правда, — спохватилась Натка. — А что говорит по всему этому поводу будущий отец? Счастлив? Помнится, он очень этого хотел.

Я молчала. Пауза опасно затягивалась.

— Лена, погоди, — вступил в разговор Костя. — Ты что, хочешь сказать, что Миронов до сих пор не в курсе? Ты вообще собираешься ему говорить, что носишь его ребенка? Или твоя проклятая гордость не позволяет тебе поделиться информацией, которая так-то его напрямую касается?

— Я собиралась ему сказать, — выдавила я.

— Да? Когда?

— Я вчера позвонила ему, чтобы договориться о встрече.

— Уже лучше, — Таганцев легонько вздохнул, видимо, признавая, что я не безнадежна. — И когда вы встречаетесь?

— Он сказал, что не может со мной встретиться, — бесцветным голосом сообщила я. — Я случайно поймала его уже в самолете. Он отправился путешествовать.

— Ну, значит, встретится с тобой, когда вернется, — заключил Костя. — Куда именно он отправился?

— В Антарктиду, — сказала я и заплакала. — Он уехал на четыре месяца. Сказал, что никак не может прийти в себя после нашего расставания, а потому решил кардинально сменить обстановку.

В кухне снова воцарилось молчание.

— Вы оба друг друга стоите, — наконец припечатала Натка. — Идиотизм заразен. Какая Антарктида?

— Самое труднодоступное место на Земле, — сквозь слезы объяснила я. — Ежегодно белый континент посещает свыше сорока тысяч туристов, но из-за удаленности от Большой земли и очень сложной организации туров это самые дорогие путешествия в мире. Понятно же, что ничего попроще Виталий выбрать не мог. В этом он весь. А что ка-

сается идиотизма, то отправиться в Антарктиду — ничем не глупее, чем уехать одной в африканскую страну, где только что произошел государственный переворот, и попасть там в тюрьму.

Я, конечно, была по больному, ведь давала себе слово не напоминать сестре о глупости, которую она совершила год назад, но сейчас не смогла удержаться¹. Натка, разумеется, тут же надулась и замолчала. Как говорится, нечем крыть.

— Антарктида так Антарктида, — сказала Сашка, — но почему так долго?

— Корабль стартует из Ушуайи. Это город на самом краю света, расположен в Аргентине на архипелаге Огненная Земля, — пояснила я. Все-таки не зря весь вчерашний вечер и половину ночи, узнав про поездку Виталия, я собирала всю эту информацию в интернете. — Сначала нужно добраться до Турции, там совершить пересадку и долететь до Бразилии. Там Виталий намерен провести три недели, изучить страну. Потом он переберется в Аргентину и там тоже проведет три недели. Если уж ехать на другой конец света, то имеет смысл все хорошенько осмотреть. В начале ноября, когда установится погода и начнется круизный сезон, он сядет на корабль, который две недели будет идти к берегам Антарктиды.

¹ Читайте об этом в романе Татьяны Устиновой и Павла Астахова «Пленница».

— Ага. То еще удовольствие две недели наблюдать бескрайние морские просторы. Да еще в ноябре, — хмыкнул Костя. — Хотя это же Южное полушарие, там как раз весна начнется. Романтика, блин. Вот уж никогда не думал, что Виталия потянет на такой экстремальный отдых. Крепко же ты его достала!

— Нет в таком круизе ничего экстремального, — сообщила я. — Отличный отдых на комфортабельном экспедиционном судне, ничем не отличающемся от стандартного тихоокеанского или атлантического круизного лайнера. Там и доктор на борту есть, и соответствующая медицинская страховка, включающая эвакуацию вертолетом, если случится что-то серьезное, оформлена.

— Вот. Нашел, — Фома, до этого сидевший уткнувшись в свой смартфон, тоже решил принять участие в разговоре. — Нашел. Программа включает морские прогулки на лодках-зодиаках среди гигантских айсбергов, вертолетные экскурсии над ледяным побережьем континента, наблюдение за китами, пингвинами и морскими леопардами, посещение научных станций и баз китобойного промысла, исследование Южных Шетландских островов, пролива Дрейка и небольших архипелагов. И еще в полярных водах искупаться можно. И кемпинг там специально организованный есть, чтобы можно было заночевать не на корабле, а на побережье Антарктиды. Так-то

круто. Я бы тоже в такое путешествие отправился, вот только оно мне не по карману. Цена начинается от трех миллионов.

— Виталий Александрович у нас, как известно, на себе не экономит, — съязвила Натка.

— И на тебе тоже, — тут же вмешалась я. — Из африканской тюрьмы я тебя за его деньги спасала, между прочим.

— А чего ты так за него вступаешься, — прищурилась Натка. — Кажется, совсем недавно ты уверяла, что вычеркнула его из своей жизни навсегда.

— Вычеркнула, — подтвердила я. — Он совершил в отношении меня подлость, и прощать его я не собираюсь. Вот только не сказать ему про ребенка — это тоже подлость, а я опускаться на его уровень не хочу. Я все ему скажу, когда он вернется. Вот только будет это не скоро. Он планирует, достигнув берегов Атлантиды, сойти с корабля и остаться там на месяц. Пожить на полярной станции. И тронется в обратный путь только в середине декабря. Новый год собирается отметить в Аргентине, а в Москве появиться к концу января. Когда мне, собственно говоря, уже рожать.

— Пожить на полярной станции? Месяц? Да, ты точно его достала, мам, — задумчиво произнесла Сашка.

— Так позвони ему и расскажи обо всем по телефону, — предложил Костя.

— Не буду, — покачала головой я. — Он спланировал это путешествие со всей тщательностью, вложил в него немалые деньги. А если, узнав про ребенка, он сорвется с места, все отменит, вернется в Москву... Я буду чувствовать себя виноватой, что опять нарушила его планы. Это нечестно. Раз он принял такое решение, значит, действительно нуждается в смене обстановки и отдыхе. Я не вправе ему мешать.

— Это безответственно, — заявила Натка. — В конце концов, это он настаивал, чтобы ты родила ему сына. А он оставил тебя, беременную, и отправился отдыхать.

— Он же не знал, — устало сказала я. — Мы расстались четыре месяца назад. Мысль, что я беременна, ему даже в голову не может прийти.

— Разумеется. Потому что нормальные бабы не молчат так долго, — язвительно проговорила Натка. — Вы уже давным-давно могли помириться и вместе ждать малыша. Не было бы тогда никакой Антарктиды.

— Я не собираюсь с ним мириться, — я твердо стояла на своем. — Беременность ничего в моем решении не меняет. Я справлюсь сама. А ему расскажу, когда он вернется. Китобой несчастный. И я вам всем запрещаю ему звонить и что-то говорить. Слышите? Поклянитесь, что никто из вас этого не сделает.

Пусть и с неохотой, но мои родные пообещали мне хранить эту тайну от Миронова. Уговорить меня обратиться в платную клинику они тоже не смогли. У меня просто не было на это денег. У Натки с Таганцевым своя семья с двумя детьми, а также кредит на квартиру. Сашка с Фомой — студенты, пусть и работающие. Обременять их своими проблемами я считала неправильным.

Так и получилось, что на учет я встала в женской консультации, расположенной за два квартала от моего дома. Отнеслись там ко мне вежливо, но без всякого пиетета. И все, что думают по поводу моего решения рожать в сорок лет, высказали без утайки.

— Если бы мы с вами жили во времена СССР, то на вашей карточке сейчас бы написали «старородящая», — сказала мне пожилая докторша, лет семидесяти, не меньше. — В современной российской медицине такой термин, конечно, не используется. Сейчас возраст, при котором женщина рождает ребенка, уже не имеет такого значения, как раньше, а безопасность родов определяется в первую очередь общим состоянием здоровья женщины. Но беременность у возрастной женщины может протекать тяжелее, чем у молодой. Это надо учитывать.

— Но это же не первые мои роды, — слабо возразила я.

— С перерывом в девятнадцать лет? Считайте, что первые, — припечатала врач. — Чем старше жен-